

УДК 327

О СПЕЦИФИКЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Д. Дононбаев

Раскрыты некоторые особенности закономерностей международных отношений в сопоставлении с другими сферами общественной жизни. Рассмотрены различные подходы анализа международно-политической сферы с позиции выявления закономерных черт.

Ключевые слова: закон; закономерности и международные отношения; вероятностное знание; политическая институционализация.

NATURE OF THE REGULARITY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

A.D. Dononbaev

The article presents some peculiarities of international relationship's regularities in comparison with other spheres of social life. Different approaches to analysis of international political sphere of life from the perspective of regularities identification is given here.

Key words: law; regularity and international relations; probability's knowledge; political institutionalization.

В «Фаусте» есть эпизод, где Гете вкладывает в уста Мефистофеля слова: «Теория, брат, сера, но вечно зеленеет древо жизни». Теория хочет закрепить, увековечить схваченное мгновение жизненной ситуации, но никакая теория не может угнаться за вечно обновляющейся, зеленеющей жизненной практикой. Тем не менее цель теории – познание практики.

В научной методологии существует тезис, согласно которому теория оплодотворяется практикой. Если это действительно так, то глубинный смысл приобретает изречение, что «нет ничего практичнее хорошей теории». В такой «хорошей теории» особенно нуждается современная наука о международных отношениях, которая ищет новое понимание исторического перелома в судьбах мира на рубеже XX–XXI вв. Как известно, в социальной науке XIX в. доминирующей методологической линией считалось стремление обнаружить так называемую «специфическую логику специфического предмета» (К. Маркс). Современный «сетевой взгляд» на природу изучаемых явлений выводит в приоритет органическую взаимосвязь и взаимозависимость «внутренних» и «внешних» факторов международного сообщества. Теории дают интеллектуальный контекст, в котором могут восприниматься международные события. Они играют важную роль в формировании определенной культуры поведения посредством создания

традиций и обычаев. И, самое важное, теория, приближающаяся к истине, является дорогой к раскрытию закономерностей.

Объективная реальность, существующая вне и независимо от нашего сознания, отличается от изучающих ее различные стороны научных дисциплин, которые, отражают и описывают ее всегда, во-первых, с некоторым «запозданием», а во-вторых, с определенным «искажением» существа происходящих в ней процессов и явлений. Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем. Кроме того, всякая наука, так или иначе, выстраивает собственную логику, подчиняющуюся внутренним закономерностям своего развития и не совпадающую с логикой развития изучаемой ею реальности. Во всякой науке в той или иной мере неизбежно «присутствует» человек, привносящий в нее определенный элемент «субъективности». Если сама действительность, выступающая объектом науки, существует «вне» и независимо «от» сознания познающего ее субъекта, то становление и развитие этой науки, ее предмет определяются именно общественным субъектом познания, выделяющим на основе определенных потребностей ту или иную сторону в познавательном объекте и изучающим ее соответствующими методами и средствами. Объект существует до предмета и может изучать-

ся самыми различными научными дисциплинами. Это положение надо понимать в том смысле, что в качестве объекта выступают некие целостные явления или процессы, отдельные аспекты, грани, стороны, черты которых становятся предметом изучения конкретно рассматриваемой науки.

В процессе изучения специфических черт, присущих закономерностям международных отношений, два фактора в их органической взаимосвязи играют решающую роль. Во-первых, речь идет о том, что международные отношения являются, прежде всего, сферой политической жизнедеятельности мирового сообщества¹. Именно поэтому, рассматривая в целом область международных отношений, считают ее предметом международно-политической науки. Во-вторых, специфические черты закономерностей международных отношений удается в достаточной мере выявить лишь в результате органичного включения в данный процесс человеческого начала. Иными словами, международный процесс выступает как единство институционального и поведенческого факторов.

В основе такого подхода необходимо рассмотреть следующее: понимание неразрывности субъекта и объекта; полидетерминизм; невозможность элиминировать присутствие субъекта в знании об объекте; стремление выразить разнообразными средствами внутреннюю активность, спонтанность, способность самоорганизации и саморазвития осваиваемого субъектом мира, присутствие в нем многого, не укладываемого в пределы рациональности, не выразимого ее средствами, но фиксируемого или даже угадываемого человеческой интуицией, психикой, культурой. Жизнь есть состояние субъекта, “реальность, которой живут, которую проживают”, то есть она всегда кому-то принадлежит, всегда является чьей-то жизнью.

Жизнь – это не то, чем живут, но способ существования в мире субъекта деятельности, познания, оценки, переживания, мышления. Именно в данной связи, перефразируя известную формулу Ленина о том, что “...политика есть самое концентрированное выражение экономики”, Э.Я. Баталов предлагает свое определение: “... политика есть самое концентрированное выражение человека”². Отмечается, что никакие законы, формулируемые специалистами социальных наук, не даны нам в истории напрямую, в отрыве от человеческого опыта. Они даны нам через опосредования чело-

веческой психологии, мысли и культуры не только в индивидуальных, но и коллективных преломлениях. И политика, и экономика – не просто приятие и пополнение неизвестно кем принятых и неизвестно на что рассчитанных решений. Это – процессы человеческого взаимодействия, требующие понимания и учета психологии, традиций, интересов и внутренних смыслов больших и малых человеческих групп.

Исследователю международных процессов необходимо отслеживать не только статистику массовых явлений в разных странах, но и информацию об отдельных событиях, учитывать не только социологические данные, но и действия, установки, индивидуальные позиции политических деятелей, причем, казалось бы, вовсе незаметных³. Как подчеркивает Ю.М. Лотман, в тех сферах истории, где люди играют роль “частиц крупного размера”, включенных в броуновское движение гигантских сверхличностных процессов, законы причинности предстают в своих простых, можно сказать, механических формах. Там же, где история предстает как множество альтернатив, выбор между которыми осуществляется интеллектуальной и волевой силой человека, необходимы поиски новых и более сложных форм причинности. Касаясь проблемы выбора альтернатив, ученый писал о возрастании “удельного веса моментов исторических флуктуаций”. Развивая эту мысль, он замечает, что борьба с романтическими концепциями истории “толкала историческую науку к тому, чтобы отождествлять объективность с внеличностью исторических процессов”. История общественных институтов, борьба социальных сил, идеологических течений как бы отменила историю людей, отведя им роль статистов во всемирной драме человечества. Значение их, конечно, не отрицается, но напоминает театральную программку, где против ролей написано несколько фамилий исполнителей, которые могут с равным успехом сыграть одну и ту же роль в рамках одной пьесы.

Кардинальные перемены, происходящие в мировом развитии на современном этапе, со всей остротой поставили как перед исследователями, так и перед политиками, вопрос о характере и закономерностях международных отношений. Обнаружить закономерности, которые определяют движение предмета исследования науки, – важнейшая задача любой отрасли знаний. Каждая наука направляет свои усилия на поиск существенных, повторяющихся, необходимых связей исследуемого

¹ Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэл о природе политической реальности // Полис. 2006. № 5. С. 158–170.

² Баталов Э.Я. Политическое – слишком человеческое // Полит. исследования. 1995. № 5. С. 10.

³ Российский монитор. Архив современной политики. М., 1992. Вып. 1. С. 17.

ею объекта, или иначе говоря, на поиск законов его функционирования и развития. Только на этой основе она может выполнить свое главное предназначение: объяснение наблюдаемых явлений в реальных событиях и фактах жизни. Здесь происходит обнаружение движущих механизмов и глубинных международных процессов с последующим предсказанием их возможной эволюции.

Из такого понимания следует, что сфера международных отношений являет собой своего рода не “детерминистскую вселенную”, а “стохастическую вселенную”. Иначе говоря, здесь господствует не принцип детерминизма в его жестком выражении, а принцип вероятности. Как известно, вероятностный подход противостоит линейно-детерминистскому взгляду на причинно-следственные связи в социальных процессах. Случайность, с точки зрения линейного детерминизма, считалась второстепенным, побочным, не имеющим принципиального значения фактором. Существовало убеждение, что случайности никак не сказываются, забываются, стираются, не оставляют следа в общем течении событий природы, науки, культуры. Неравновесность и неустойчивость воспринимались с позиций классического разума как досадные неприятности, которые должны быть преодолены. Это нечто негативное, разрушительное, сбивающее с пути, с правильной траектории. Хаос представлялся сугубо деструктивным началом мира. Казалось, что он ведет в никуда. Развитие понималось как поступательное, без альтернатив. Считалось, что пройденное представляет лишь исторический интерес. Если и есть возвраты к старому, то они являют собой диалектическое снятие предыдущего уровня развития и имеют новую основу. Если и есть альтернативы, то они – лишь случайные отклонения от магистрального течения, подчинены этому течению, определяемыми объективными законами универсума. Все альтернативы, в конечном счете, сводятся, вливаются, поглощаются главным течением событий. Картина мира, рисуемая классическим разумом, – это мир, жестко связанный причинно-следственными связями. Причем причинные цепи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то, по крайней мере, пропорционально ей. По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретросказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Подчеркнем в этой связи, что степень приближенности в сфере международных отношений так велика, что многие исследователи склонны говорить не столько о законах и закономерностях,

сколько о вероятности наступления тех или иных событий. Но и тогда, когда наличие закономерностей не подвергается сомнению, существуют разногласия относительно их содержания.

В отличие от “детерминистской вселенной”, рассматриваемая в сравнительном контексте “стохастическая вселенная” предстает как картина причудливого переплетения многообразных событий и процессов, причины и следствия которых носят несимметричный характер. Поэтому их описания и объяснения в духе детерминизма, предопределенности, безальтернативности, исключения случайности, неплодотворны. М.К. Мамардашвили в этой связи заметил, что познание глубоких человеческих явлений осуществляется не через идею детерминизма, но через учет множественности и несовпадения их детерминаций.

Например, раскрывая динамическую гибкость внешнеполитической деятельности Петра Великого, Н.Н. Молчанов подчеркивает, что “в дипломатии, как и вообще в жизни, надо было кое-что оставить и на долю случайностей, которые обычно вмешиваются в ход событий из-за ошибок людей, из-за проявлений особенностей их психологического склада, из-за сумасбродства, в конце концов”¹. Наличие этих трудностей, в какой-то мере объясняет то обстоятельство, что многие ученые, активно разрабатывавшие теорию и социологию международных отношений, исходят из того, что их исследования, чтобы считаться научными, должны быть эмпирическими. Раскрывая специфику общественных законов, известный советский историк Е.В. Тарле писал: “Для приложимости своей к каждому конкретному явлению, к каждому конкретному случаю, всякий закон требует определенной обстановки, определенных условий. Еще большое количество разных “если” требуется для предсказания конечных результатов действия такого закона”². Тем более значительны и многообразны эти “если”, когда речь идет о столь подвижной, многообразной области общественной жизни, как международные отношения.

Отмеченное характеризует понимание синергетики как подхода, связывающего выбор альтернатив с ролью конкретных людей, которые оказались в позиции выбирающих в “минуты тяжкие и роковые”. Уникальность соответствующих ситуаций определяется тем, что, говоря языком театра, исполнитель у каждой роли один, а другой испол-

¹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М.: Междунар. отношения, 1984. С. 255.

² Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе // Тарле Е.В. Соч. М., 1958. Т. 4. С. 315–316.

нитель может привести действие “исторической пьесы” к совсем другому финалу. И. Пригожин, основатель синергетического направления в науке, пишет: “История человечества не сводится к основополагающим закономерностям или к простой констатации событий. Каждый историк знает, что изучение исключительной роли отдельных личностей предполагает анализ социальных и исторических механизмов, сделавших эту роль возможной. Знает историк и то, что без существования данных личностей те же механизмы могли бы породить другую историю”¹. В сложной системе флуктуации на микроуровне ответственны за выбор той ветви, которая возникает после точки бифуркации.

Резюмируя, можно отметить, что закон отражает одну или несколько групп строго идентифицированных феноменов, имеющих общий характер, то есть освобожденных от признаков индивидуальности и поэтому поддающихся измерению. Когда же речь идет о международных событиях, то каждое из них предполагает присутствие человеческого разума, воли и эмоций. Иначе говоря, международное событие совершается тем или иным образом, проходя через сознание людей. В таком контексте понимания каждое международное событие предстает единичным, уникальным феноменом.

Поэтому в сфере международной жизни не существуют идентичность и измеримость. Между несколькими событиями можно найти лишь аналогии: так обнаруживаются типы рассуждений, типы коммуникаций, типы насилия и т. д. Следовательно, поскольку в международной жизни доминируют факторы исключения, то есть в этом случае мы сталкиваемся со сферой вероятностного знания, постольку адекватно отражающим суть происходящих процессов оказывается термин “закономерность”. “Закономерность, – отмечает французский исследователь Ж.-Б. Дюрозелль, характеризуя специфику международных отношений, – это и есть наличие длинного ряда подобий, которые как бы не зависят от особенностей той или иной эпохи и, следовательно, могут быть отнесены к самой природе “*homo sapiens*”². Он подчеркивает, что в общественных науках законы не обладают той степенью строгости, которая характерна для наук о природе, и потому они не дают полного удовлетворения. Такое положение вещей объясняется самой сущностью отражаемых ими реалий. Поскольку речь идет о сфере вероятностного знания, в кото-

ром господствуют исключения, и которое поэтому неотделимо от интуиции, в данном контексте, гораздо больше подходит термин “закономерность”.

Наряду с закономерностями, отражающими повторяемости или подобия типов событий, независимо от социального или технического уровня общества, политического режима или географического региона, существуют также “временные правила” и “рецепты”. “Временные правила” отражают уровень менее общего порядка, чем совокупная история человечества. Они касаются одной из “структур”, то есть “одной из фаз той длительной исторической эволюции, которую прошел мир” – данной эпохи, данного географического региона или данного политического режима.

Логика подобных представлений позволяет ряду ученых сформулировать тезис, что понятие “закона” в сфере международных отношений используется лишь в относительном смысле. По мнению К. Поппера, наука развивается путем выдвижения гипотез, которые могут быть опровергнуты на практике. Отсюда выдвинутый им “принцип фальсифицируемости”: подлинно научным высказываниями могут быть только те, которые можно опровергнуть опытом. Критический анализ такого подхода к изучению международных отношений приводит к выводу: значительно большую, инструментальную нагрузку и эвристическую ценность имеет не рассмотрение и последующее отбрасывание “гипотез”, а уяснение стохастического, то есть вероятностного, статистического характера социальных законов, лежащих в их основе³. “Исходя из строго логических оснований, – указывал в свое время К. Поппер, – ход истории предсказать невозможно”. К. Поппер не сомневался в существовании тенденций в истории социального развития. Однако их нельзя рассматривать как законы. Ибо тенденции зависят от сложившейся ситуации, то есть многообразия конкретно-исторических условий. В реальной жизни существуют условия, как воспроизводящие данные тенденции, так и, напротив, препятствующие их реализации.

Например, парадокс Николсона провозглашает, что международная система оказывается более упорядоченной, а сами последствия действий акторов легко предугадываются при меньшем числе участников и, соответственно, степени их разнородности. Иначе говоря, предсказания и реализация эффективных действий усложняются, если в международную систему прибавляются все

¹ Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994. С. 54–55.

² Duroselle J.-B. *Tout empire perira. Une vision thtorique des relations intemationales*. P., 1982. P. 34.

³ Fisher D. *Historian Fallacies: Towards Logic Historical Thought*. N.-Y., 1982; Мурадян А.А. *Самая благородная наука*. М., 1990.

новые члены. Следовательно, уровень проявления на международной арене факторов случайного характера неизмеримо возрастает. И. Пригожин постоянно указывает на то, что случайность, отдельные малые флуктуации могут играть существенную, определяющую судьбу системы роль вблизи моментов бифуркации. Он называет неустойчивостью состояние системы вблизи точки бифуркации, когда система совершает “выбор” дальнейшего пути развития. По его мнению, режимы движения переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркации играет роль случайность,

и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. В определенном смысле дело обстоит действительно так. Малые флуктуации, случайности могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят к сложным блужданиям по полю путей развития. “Бифуркационная природа – та, в которой небольшие отличия и незначительные колебания могут, если они происходят при благоприятствующих обстоятельствах, распространяться на всю систему и приводить к новому способу функционирования”¹.

¹ См.: Prigogine I., Stengers I. La Nouvelle Alliance. P.: Gallimard, 1979. P. 271.